

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ/RUSSIAN LITERATURE
AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.163.22>

«ПУСТОТА» КАК ПОДЛИННАЯ ПРИЧИНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ РАСКОЛЬНИКОВА (ПО РОМАНУ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»)

Научная статья

Шэнь Л.^{1,*}, Третьяк И.Р.²

¹ ORCID : 0009-0001-5789-7846;

² ORCID : 0000-0002-9549-6736;

¹ Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай

² Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.М. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (shenlingwen[at]outlook.com)

Аннотация

«Пустота», означающая состояние отсутствия, не только широко распространена в современной литературе и философии, но и является важной составляющей современности. Получив толкование в области мистического богословия и философии, «пустота» постепенно стала тесно ассоциироваться с «нигилизмом» и вошла в область политической критики в России XIX века, где в русской литературе также возникла группа нигилистов, представленная Базаровым. В романе «Преступление и наказание» Достоевский показал, как «пустота» привела студента к борьбе между теорией и жизнью, к созданию теории деления людей на «тварей дрожащих» и «право имеющих». Сущность теории — право на преступление во имя некоей идеи, а значит, отрицание нравственных идеалов. Раскольников посягает на то, что считается священным и незыблемым в человеческом сознании: жизнь человека. Внутренняя борьба Раскольникова еще больше раскрывает глубинный дух времени, поскольку пустота российского общества обнаруживается в сложной реальности 1860-х годов, периода упадка религии, этического поворота и социальных перемен. Через создание и растворение «пустоты» писатель и мыслитель Фёдор Михайлович Достоевский демонстрировал сложность человеческой природы и необходимость поиска искупления через страдания.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Преступление и наказание, пустота, нигилизм, Н.Н. Страхов, Д.И. Писарев, Раскольников, Ницше.

THE "VOID" AS THE REAL REASON FOR RASKOLNIKOV'S CRIME (BASED ON FYODOR DOSTOYEVSKY'S NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT")

Research article

Shen L.^{1,*}, Tretyak I.R.²

¹ ORCID : 0009-0001-5789-7846;

² ORCID : 0000-0002-9549-6736;

¹ Heilongjiang University, Harbin, China

² Ural Federal University after named by first President of Russia B. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

* Corresponding author (shenlingwen[at]outlook.com)

Abstract

"Void", meaning a state of absence, is not only widespread in contemporary literature and philosophy, but is also an important component of the modern world. Having been interpreted in the field of mystical theology and philosophy, "void" gradually became closely associated with "nihilism" and entered the realm of political criticism in XIX-century Russia, where a group of nihilists, represented by Bazarov, also emerged in Russian literature. In the novel "Crime and Punishment", Dostoevsky showed how "void" led a student to struggle between theory and life, to create a theory of dividing people into "trembling creatures" and "those who have rights". The essence of the theory is the right to commit a crime in the name of a certain idea, and thus the denial of moral ideals. Raskolnikov transgresses what is considered sacred and unshakeable in human consciousness: human life. Raskolnikov's inner struggle further reveals the deep spirit of the times, as the emptiness of Russian society is exposed in the complex reality of the 1860s, a period of religious decline, ethical shift and social change. Through the creation and dissolution of "void", writer and thinker Fyodor Mikhailovich Dostoevsky demonstrated the complexity of human nature and the need to seek redemption through suffering.

Keywords: F.M. Dostoevsky, Crime and Punishment, void, nihilism, N.N. Strakhov, D.I. Pisarev, Raskolnikov, Nietzsche.

Введение

Актуальность исследования мотивов преступления Раскольникова в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» обусловлена тем, что данное произведение не только стало важным этапом в развитии русской литературы XIX века, но и представляет собой глубокое философско-религиозное осмысление духовного кризиса российского общества в период ломки патриархальных устоев. Вопрос о причинах убийства ростовщицы и её сестры, совершённого главным героем романа, с момента публикации произведения неоднократно становился предметом анализа отечественных и зарубежных исследователей. Современные литературоведы всё чаще обращаются к

изучению этого вопроса с точки зрения пересечения психологических, социальных и идеологических факторов, что придаёт теме устойчивую актуальность.

Целью настоящего исследования является анализ душевного состояния Раскольникова до и после преступления через призму трёх типов «пустоты», а также выявление идеологического и религиозного значения данного образа. Объектом исследования является роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», а также критико-литературные интерпретации причин убийства, представленные различными исследователями.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

Проанализировать существующие интерпретации мотивов убийства ростовщицы, предложенные отечественными и зарубежными учёными; Выявить идеологические, социальные и экзистенциальные основы формирования замысла Раскольникова; Рассмотреть феномен «пустоты» как структурный элемент мировоззрения героя; Определить религиозно-нравственные импликации, связанные с этим феноменом; Установить, каким образом через образ Раскольникова Достоевский репрезентирует духовный кризис общества и поиск спасения через страдание.

Научная новизна исследования заключается в том, что в отличие от традиционного анализа мотивации убийства, основное внимание уделяется не только мотивам поступка героя, но и авторской стратегии построения темы «пустоты» как ключевого концепта произведения. Эта категория охватывает жизненное состояние героев и общую тематическую линию романа, концентрируя религиозно-нравственные идеи Достоевского.

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении и углублении понимания структуры мотивации Раскольникова через сопоставление различных интерпретаций. Исследование опирается на существующие теоретические подходы, включая феноменологическую онтологию Макса Шелера, нигилистическую проблематику, а также историко-социальный контекст романа.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при преподавании русской литературы XIX века, разработке специальных курсов по творчеству Достоевского, а также при проведении сравнительных исследований русской и зарубежной литературной критики.

В качестве научных методов используются литературоведческий и сравнительно-аналитический анализ, метод историко-культурной интерпретации.

В истории исследования данного вопроса стоит заметить, что причины убийства ростовщицы и ее сестры Раскольниковым, главным героем романа «Преступление и наказание» рассматриваются достаточно подробно критиками и исследователями Достоевского. По мнению китайского специалиста по исследованию русской литературы Чжэн Юнван, Раскольников «бросил учебу, взял в руки топор, чтобы решить «Проблему вагонетки» для доказательства того, что он не «дрожащая скотина», а наполеоновский последователь, способный пройти по трупам десятков тысяч людей. Причина проступков Раскольникова в том, что он принял иллюзию подглядывания сквозь психическое отклонение за ответ на «Проблему вагонетки», и только когда он смог это осознать, понял свою ошибку [1, С. 54].

Ван Ицунь, китайский исследователь русской литературы, использовал феноменологическую онтологию Шелера (Max Scheler) для объяснения мотивации убийства Раскольникова: «Чувство «ненависти» Раскольникова послужило основой для совершения убийств. По его мнению, равнодушие и враждебность, характерные для Раскольникова, представляли собой универсальное настроение, явно социальное по своей природе, но отличное от классовой ненависти, которую подчеркивают некоторые идеологические критики. Это именно то, что Шелер называет ненавистью. Экзистенциальная ситуация Раскольникова, доктрина «необыкновенного человека», его душевное состояние, случайные встречи и т. д. — все это создает некую ценностную основу для убийств Раскольникова, и эти ценностные основы также являются производными от ненависти Раскольникова — иными словами, они коренятся в ненависти Раскольникова и функционируют через нее. Это происходит не только потому, что ненависть — основная единица экзистенциального опыта Раскольникова, но и потому, что давно накопившаяся ненависть Раскольникова нуждается в освобождении, в «оправдании», что, в свою очередь, требует от Раскольникова найти оправдание собственным убийствам. Именно в этом смысле ненависть является фундаментальной мотивацией убийства Раскольникова» [2, С. 93, 97].

Кроме того, китайские исследователи русской литературы Тао Ин и Ван Фан утверждают, что нигилистическая идеология была главной мотивацией преступления Раскольникова: «В вероучении Раскольникова святость человеческой жизни больше не ценится, а заменяется превосходством интересов и миссии. Он рассматривает ценность жизни и этики с помощью рациональной, математической логики, обосновывая свое право лишить жизни одного человека ради блага большинства. «Разве тысячи добрых дел не могут уравновесить один маленький проступок? Одна человеческая жизнь за тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения, смерть одного человека за сто человеческих жизней — какая простая арифметика!» [3, С. 74].

Достоевский был первым русским писателем, который скрупулезно исследовал состояние преступника, готовящего злодеяние, и испытывающего муки совести, этот роман запечатлел сдвиги в сознании самого общества на фоне ломки патриархального уклада жизни, патриархальной психологии «не убий». Этот тезис лежал в основе государственной морали и нравственного поведения каждого отдельного человека, эта мораль была общепринятой.

По мнению Писарева, «противообщественные» эмоции и мысли, возникшие у главного героя романа и приведшие к убийству ростовщицы, стали неизбежным следствием бесчеловечности и противоестественности существующего общественного строя, при котором даже право на сострадание и помощь ближнему превращается в социальную привилегию: «Пока Раскольников обеспечен имением, капиталом или трудом, до тех пор ему предоставляется полное право и на него даже налагается священная обязанность любить мать и сестру, защищать их от лишений и оскорблений и даже в случае надобности принимать на самого себя те удары судьбы, которые предназначаются им, слабым и безответным женщинам. Но как только материальные средства истощаются, так тотчас же вместе с этими средствами у Раскольникова отбирается право носить в груди человеческие чувства, так точно, как у

обанкротившегося купца отбирается право числиться в той или в другой гильдии. Любовь к матери и к сестре и желание покоить и защищать их становятся противозаконными и противообщественными чувствами и стремлениями с той минуты, как Раскольников превратился в голодного и оборванного бедняка. Кто не может по-человечески кормиться и одеваться, тот не должен также думать и чувствовать по-человечески. В противном случае человеческие чувства и мысли разрешатся такими поступками, которые произведут неизбежную коллизию между личностью и обществом» [4, С. 311].

Раскольников — это новый нигилистический образ, подчеркивает Страхов, Достоевский в образе Раскольникова представил нигилиста, однако этот нигилист является несчастным и страдающим. В романе нигилизм изображен как трагическое явление, которое ведет к катастрофам в жизни людей: «Итак, в первый раз перед нами изображен нигилист несчастный, нигилист глубоко человечески страдающий. Свойство широкой симпатии, которое мы приписали автору, и здесь, очевидно, воодушевляло его. Он изобразил нам нигилизм не как жалкое и дикое явление, а в трагическом виде, как искажение души, сопровождаемое жестоким страданием. По своему всегдашнему обычаю, он представил нам человека в самом убийце, как умел отыскивать людей и во всех блудницах, пьяницах и других жалких лицах, которыми обставил своего героя...» [5, С. 101-102]. Исследователи, как правило, анализировали мотивы, стоящие за необычным актом убийства, но при этом упускали из виду причины, по которым писатель решил создать эту историю именно таким образом: под атмосферой преступности Достоевский в своем произведении умело выстраивал тему «пустоты», которая не только охватывает жизненное состояние героев романа и основную тему произведения, но и сгущает основные религиозно-нравственные мысли России того времени.

В данной статье утверждается, что душевное состояние Раскольникова до и после преступления представляет три различных типа «пустоты» и наделено сложным идеологическим и религиозным смыслом, и что Достоевский использовал симптомы «пустоты» у Раскольникова для демонстрации духовного кризиса общества и пытался превратить «темную ночь души» в силу, способную растворить «пустоту». Через построение и растворение «пустоты» преступление Раскольникова не только показывает процесс формирования духовного кризиса русского нигилизма, но и воплощает итоговую идею Достоевского о поиске спасения через страдание.

Методы и принципы исследования

Слово «пустота» (*vacuum*) происходит от латинского слова, которое буквально означает «незанятый, пустой» и обозначает состояние отсутствия. В европейской философской традиции концепция «пустоты» восходит к древнегреческому философу Горгию (Γοργίας), сицилийскому софисту, жившему в V – начале IV века до н. э., который в своем трактате «О не-сущем, или О природе» отметил: «Таким образом, ничего не существует, [а если бы было, то было бы непознаваемо], но если б его можно было познать, никто бы не смог бы сообщить о нем другому, поскольку вещи не есть слова, и потому что никто не может мыслить то же самое, что кто-то другой» [6, С. 214]. При этом ранние софисты вкладывали в термин «пустота» значение «отсутствия существования», «небытия», в том числе своего рода небытия морали и души.

Впоследствии «пустота» впервые получила глубокое развитие в теологической сфере. Первым теологом-мистиком, систематически обращавшимся к понятию «пустоты», был святой Аврелий Августин (Sanctus Aurelius Augustinus), утверждавший, что зло — это не противоположность добра, а его пустая сторона. Аврелий Августин, впервые объяснивший концепцию «пустоты», утверждал, что свободная воля — это «среднее благо», которое может либо стремиться к великому вечному благу добродетели, а также истине и мудрости, либо потворствовать меньшему временному благу плотских удовольствий. Первое представляет собой добродетель, а второе ведет к греху. Таким образом, свободная воля — это высшее основание для выбора человека между добром и злом. «Представьте себе, какое великое благо утрачено, если у тела нет рук, а человек злоупотребляет своими руками, совершая ужасные и постыдные поступки. Если вы увидите человека без ног, вы подумаете, что его физическое существование искалечено из-за отсутствия столь великого блага, и вы не станете отрицать, что человек неправильно использует свои ноги, когда с их помощью наносит вред другим или позорит себя» [7, С. 56]. Поэтому Бог дал человеку свободную волю для того, чтобы он жил праведно, а не для того, чтобы он творил с ее помощью зло. В том, что человек использует свободную волю во зло, виноват не Бог, а сам человек. В теологии Августина «пустота» впервые появляется как тленная сторона «доброй» природы «всемогущего» Бога, используемая для представления падшего, злого мира, отвернувшегося от Бога. Иными словами, зло — это не обратная сторона добра, а его пустая сторона. Поэтому, будь то «физическое зло», «когнитивное зло» или «этическое зло», все они происходят из пустой стороны по сравнению с совершенством «всемогущего» Бога.

Испанский мистик святой Хуан де ла Крус (1542 – 1591) уподоблял «пустоту» «темной ночи души», через которую душа должна пройти в процессе очищения. В своем трактате «Тёмная ночь души» Хуан де ла Крус подчеркивает, что в «процессе очищения душа преодолевает туман, темноту и пустоту» [8, С. 5-6]. Если христианство было теоретическим началом «пустоты», то нигилизм в России, хотя и противопоставил себя этой традиции, в итоге стал политической философией, которая унаследовала, развила и трансформировала эту теорию.

Основные результаты

Пустота — мотив и причина преступления Раскольникова. Криминальный сюжет сосредоточен на нигилизме, раскрывая различные грани «пустоты» Раскольникова до и после преступления:

1. Происхождение зла — «пустая» сторона добра.
2. Сущность преступления — все есть ничто.
3. Искупление души — ночь пустоты.

Обсуждение

1. Мотив «пустоты» и нигилизм. Мотивации преступления Раскольникова – ключевая основа для обсуждения смысла «пустоты» в контексте политической философии нигилизма. Сосредоточившись на нигилизме, преступление

демонстрирует различные виды «пустоты», которые Раскольников проявляет до и после преступления, под покровом нигилизма: «Итак, автор взял натуру более глубокую, приписал ей более глубокое уклонение от жизни, чем другие писатели, касавшиеся нигилизма. Цель его была — изобразить страдания, которые терпит живой человек, дойдя до такого разрыва с жизнью» [5, С. 101]. Под поверхностью религиозных размышлений Достоевский выразил предостережение против ультралиберальной морали базаровского нигилизма, которая «ответственна только за разрушение, но не за восстановление». Нигилизм (от лат. *nihil* — ничто) — философское течение, характеризующееся отрицанием существования объективной истины, моральных ценностей и смысла жизни. Проявления нигилизма можно обнаружить на протяжении всей русской истории, но уже в XVIII и особенно в XIX столетии нигилизм приобретает вполне ощутимые формы. Достоевский точно предсказал духовный кризис начала XX века. Взяв в качестве основной темы преступления Раскольникова, произведение показывает вторжение «пустоты» в рационально-эгоистический мозг общества в конце XIX века и представляет многогранные размышления писателя о «пустоте».

2. Происхождение греха — «пустая сторона» добра. Роман «Преступление и наказание» можно было бы рассматривать как криминально-психологический роман с безумным повествованием только ради основного сюжета романа: убийство студентом Раскольниковым старухи-процентщицы, но при неоднократном прочтении можно обнаружить, что в центре внимания писателя стоит не только преступление. Достоевский изобразил убийцу Раскольникова для того, чтобы показать аномалии человеческого разума в период упадка религии, но по сути для того, чтобы сконструировать одно из проявлений «пустоты» — «свободную волю», в трактате «О христианском учении», написанном в поздние годы жизни, Августин делит зло на три категории, а именно «физическое зло», «когнитивное зло» и «этическое зло». «Физическое зло» обусловлено несовершенством всех природных вещей по сравнению с Богом, и любой природной вещи как сотворенной «не хватает» совершенства, которое есть в Творце (Бог). «Когнитивное зло» определяется конечностью человеческого разума, который не может достичь всеведения Бога и поэтому неизбежно «лишается» истины и определенности в процессе познания. «Этическое зло» — это результат того, что воля выбирает то, что не следует выбирать, отказывается от того, от чего не следует отказываться, и активно отворачивается от возвышенного и вечного в пользу низменного и мирского. Из этих трех видов зла первые два объясняются конечностью самого творения и относятся к разряду неизбежных недостатков, а «этическое зло», связано со свободой воли человека, уместно назвать «грехом». Исследование причин этого вида зла составляет основу теории Августина о «первородном грехе» [9, С. 79]. Современным Достоевскому мыслителем, который, как он считал, прямо или опосредованно оказал на отечественную культуру наибольшее влияние, является Ф. Ницше. Философия Фридриха Ницше описывает «кризис нигилизма», акцентируя внимание на двух ключевых моментах: разрушении традиционных высших ценностей (религиозных, моральных, метафизических) и одновременном стремлении к утверждению жизни, пусть и без опоры на прежние идеалы. Более ранние проявления нигилистических идей отличались значительно большей специфичностью. Они не всегда предполагали полное и радикальное отрицание всего, а зачастую концентрировались на критике отдельных доминирующих идей и социальных структур. Например, многих религиозных реформаторов, критиковавших церковную догматику и ритуалы, можно рассматривать как предшественников нигилизма, так как их действия подрывали устоявшийся социальный и моральный порядок. Подобные тенденции можно проследить в истории многих религий и философских школ. Вне европейской традиции значительный интерес представляет буддийская философия, в частности, учение о праджне (мудрости) и шуньяте (пустоте).

Фридрих Ницше, в книге «Веселая наука», опубликованной в 1882 году, провозгласил «смерть Бога». Это не буквальное исчезновение божества, а метафора глубокого кризиса традиционных ценностных систем, основанных на религиозной вере и метафизических учениях. «Смерть Бога» символизирует крах абсолютных истин, устоев, на которых покоилось европейское общество веками. Этот крах оставляет за собой вакуум, глубокую экзистенциальную пустоту, центральную проблему, по мнению Ницше, современности. Это не просто отсутствие веры в конкретного Бога, это исчезновение всех внешних, объективных оснований для придания смысла жизни. Эта ситуация, по Ницше, порождает нигилизм — упадок веры во все ценности, отсутствие целей и смысла жизни. Люди, лишенные традиционных опор, оказываются в состоянии глубокого экзистенциального кризиса, испытывая дезориентацию, тоску и отчаяние. Однако Ницше не оставляет человечество в состоянии безнадежности. Для него «смерть Бога» — это не конец, а начало. Пустота, возникшая на месте утраченных ценностей, становится плодородной почвой для создания новых. Ницше видит в этом возможность для рождения Сверхчеловека, индивида, способного создавать свои собственные ценности, основанные на воле к власти и самопреодоления.

Достоевский предвосхитил ницшеанские идеи, особенно концепцию сверхчеловека, и показал их деструктивную природу. Достоевский, в отличие от Ницше, не строил цельной философской системы. Его произведения — это прежде всего художественные исследования человеческой души, погружения в психологические глубины, демонстрирующие крах различных идеологий и моральных установок. Образы Раскольникова, Ставрогина, Карамазова — это не просто воплощения ницшеанских идей, а многогранные персонажи, борющиеся с собственными демонами и ищущие смысл существования в условиях разрушенного традиционного мировоззрения.

По характеристике Ф.М. Достоевского, Раскольников «был уже скептик, он был молод, отвлечен и, стало быть, жесток», но Раскольников не простой нигилист, он не вынашивает идеи социального переустройства мира, а отрицает Бога и возвышает человеческое «я»: «Я просто-запросто намекнул, что «необыкновенный» человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует» [10, С. 199].

Достоевский показывает героя в постоянной борьбе между двумя ипостасями: божественной и дьявольской, ставит перед ним сложную этическую дилемму. Центральная идея романа вращается вокруг концепции «сверхчеловека», индивида, стоящего выше общепринятой морали и имеющего право нарушать закон во имя какой-

либо высшей цели. Раскольников, захваченный этой идеей, разрабатывает собственную философию, основанную на разделении людей на две категории: обычных, «тварь дрожащая», и «право имеющих», избранных, способных переступить через моральные нормы ради блага человечества. Для подтверждения состоятельности своей теории Раскольников обращается к историческим примерам гениев: Солону, Ликургу, Магомету, Наполеону. Последний служит для Раскольникова ярким примером такого «сверхчеловека». Он видит в императоре фигуру, пожертвовавшую многими жизнями во имя достижения великих политических целей. Раскольников идеализирует Наполеона, воспринимая его жестокость и безжалостность как необходимые атрибуты великого деятеля. Он убежден, что такие люди имеют право решать судьбы других. Его идея о сверхчеловеке основана на убежденности в несправедливости устройства мироздания, теория — это своего рода попытка создать новую систему ценностей, где мораль подчиняется не божественным заповедям, а законам сверхчеловека.

В романе автор старается вызвать положительное отношение к Раскольникову. Во взаимодействии с семьей Мармеладова проявляются его человечность и умение сочувствовать чужому страданию, портрету Раскольникова в начале романа соответствуют и неоднократные повторения другими персонажами идеи о необыкновенном уме и одаренности Раскольникова. Достоевский исследует сложные моральные и философские вопросы, связанные с природой зла и человеческой психологии, показывает, что даже человек с "хорошими наклонностями" может оказаться подвержен соблазну зла, если он начинает оправдывать свои действия теорией с «шаткими понятиями».

Интересен эпизод, в котором Раскольникова принимают за нищего, эпизод, который, казалось бы, говорит читателю о беспросветной бедности героя, но с точки зрения писателя, это отчаянный протест героя против заповедей Христа: неприятие добродетели и милосердия. Бунтарство Раскольникова приводит к трагическому разрыву со всем человечеством: «... он вдруг ощутил в кулаке своем зажатый двугривенный. Он разжал руку, пристально поглядел на монетку, размахнулся и бросил ее в воду; затем повернулся и пошел домой. Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту» [11, С. 90]. Отстранение от окружающих, разрыв связей с ними, внутренний конфликт, раскол — основа характера героя, не случайна его фамилия. Раскольников выделяется среди привычных литературных персонажей. Он представляет собой уникальный образ героя-мыслителя, для которого на первом плане стоит стремление к истине, правде и справедливости. Однако благородство этих намерений меркнет на фоне тех методов, к которым он прибегает для их осуществления.

В сознании Раскольникова убийство старухи-процентщицы предстает как «благодетельное», способное избавить общество от гнета предрассудков и одновременно гарантировать его родным лучшее будущее.

Переступая через нравственные принципы, Раскольников решает проблему социальной дисгармонии, считая себя «благодетелем человечества». Самодовлеющая идея благодеяния, свободная от христианских основ, основанная на свободной воле, приводит к трагическим последствиям и становится смертным грехом. Изначально положительное христианское понятие милосердия в интерпретации героя обретает демонические черты, пустота становится началом греха. Высочайшим образцом милосердия является Христос, принеший в жертву человечеству себя, таким благодетелем и спасителем считает себя Раскольников, но свободная воля героя склонилась к пустой стороне добра, он тоже мечтает стать благодетелем, но в жертву себя приносить не хочет.

В романе показана чистая натура Раскольникова через внутренние терзания после совершения преступления, что, по сути, является раскрытием «пустой» стороны добра через преступление, совершенное по свободной воле.

3. Суть преступления — все является пустотой Если христианство было теоретической исходной точкой «пустоты», то нигилизм в России стал важной школой, которая унаследовала, развила и трансформировала эту теорию. Новые интеллектуалы в стиле Евгения Базарова, которые отрицают все; масштабные проекты реформ группы М. Бакунина; «Новый человек» и утопии «Хрустального дворца» Н. Чернышевского; ничтожно-свободный Ставрогин в романе Достоевского «Бесы»; Раскольников — нигилист несчастный и страдающий. Они не только признавали недуги, порожденные духовным вакуумом, оставленным научным материализмом и религиозным скептицизмом XIX века, но и порицали романтизм с его нигилистическими формулировками материи, также критиковали социальные представления того времени в бунтарском духе «все пустое» и пытались восстановить двуединый идеальный мир политики и духовности. Нигилизм в России расширил «пустоту» из европейского религиозного опыта в политическую сферу, превратив ее в катализатор политических движений и культурных изменений.

В 1860-е годы российское общество было охвачено внутренними и внешними проблемами, и в нем поднялась волна демократии. В то же время в России широко распространилась европейская просветительская мысль, и в среде интеллигенции возникла идеологическая тенденция к отрицанию традиций и следованию разуму. Согласно исследованию В.С. Гроссмана, тема «Преступления и наказания» возникла у Достоевского в Висбадене в 1865 г. на фоне глубокого кризиса 60-х гг.: «Впервые в русском романе действие и драма строились на экономическом кризисе эпохи, который вел к большим идейным конфликтам и личным катастрофам...» [13, С. 338].

Следует отметить, что в середине 1860-х годов в России была опубликована книга Наполеона III «История Юлия Цезаря (его войны)», оказавшая большое воздействие на русское образованное общество. В книге проповедуется дихотомия между гением и посредственностью, где гении и сильные люди могут делать все, что захотят, а посредственные люди могут быть лишь материалом или краеугольным камнем успеха первых. Подобные «гении» и «сильные люди» интересовали Достоевского еще в сибирский период, но именно публикация «История Юлия Цезаря (его войны)» заставила писателя обратить новое внимание на этот тип мышления. Кроме того, такая «философия сильного человека» была тесно связана с теорией социальной эволюции, которая была распространена в западноевропейской мысли того времени. Еще задолго до публикации «Преступления и наказания» в журнале «Время» появилась книжная рецензия Н.Н. Страхова «Дурные признаки», в которой он оценил «Происхождение видов путём естественного отбора» Чарлза Дарвина и его французское предисловие. Клеман Огюстен Ройер (1830–1902), переводчик книги на французский язык, отмечал в предисловии, что: «Как скоро мы приложим закон естественного

избрания к человечеству, мы увидим с удивлением, с горестию, как были ложны до сих пор наши законы политические и гражданские, а также наша религиозная мораль» [14, С. 158-159].

Человек должен наслаждаться полноценной жизнью, полагаясь на свой вклад в общество, а если человек является лишь обузой для общества, то он теряет смысл жить дальше. Это взгляд французского переводчика Ройера на эволюционизм Дарвина, а также воплощение социального дарвинизма «естественного отбора», который господствовал в XIX веке, когда рациональность и наука были главенствующими принципами. Однако, если следовать этой идее, то ценность человеческого существования будет измеряться его вкладом в общество, пространство для существования гуманизма будет полностью ликвидировано, а человек будет полностью объективирован. Всегда настороженно относившийся к подобным заявлениям, Страхов расценил статью Ройера как символ вырождения западноевропейской мысли и затем подверг критике это произвольное применение закона естественного избрания к социальной жизни: «Мы (люди, — Г.Ф.), кажется, — писал в связи с этим Страхов, — не слишком преувеличивали сострадание, милосердие и самопожертвование. ...У нас всегда шла великолепнейшая жизненная конкуренция, и закон естественного избрания постоянно находил полнейшее применение. Сильный давил слабого, богатый бедного, и вообще из малейшего преимущества была извлекаема в этой борьбе наибольшая выгода, какую только оно могло доставить. ...Таким образом, владыками жизни и обладателями благ всегда оставались естественные избранные и прогресс усовершенствования человеческой породы шел вперед быстро и безостановочно» [14, С. 160-161].

Учитывая тесное общение Страхова с Достоевским, начиная с 1860-х годов, критика Страховым социального дарвинизма и защита им гуманитарных идей должны были оказать потенциальное влияние на творчество Достоевского. Это влияние также заложило возможную основу для последующего принятия Достоевским интерпретации работы Страхова над «Преступлением и наказанием» в более позднее время.

Тема так называемой «арифметики» возникает уже на первых страницах романа и становится одной из ключевых идей произведения. Под «арифметикой» подразумевается рационалистический, логически выстроенный способ объяснения действительности. Этот подход позволяет герою скрываться от реальной жизни, подменяя её абстрактными схемами. Теория становится формой бегства от неприятия мира, создавая иллюзию внутреннего покоя и защиты, но в то же время лишает человека глубины и живой связи с действительностью. В начале 1860-х годов именно подобные доктрины стали опорой общественных надежд и верований. Однако любая теория, утверждающая исключительно собственные интересы, по своей сути приводит к оправданию любых средств ради собственного существования. В соответствии с «арифметикой» Раскольников решает на преступление, вступает в борьбу с миром, отдаляется от людей. Он сознательно ищет встречи со следователем Порфирием Петровичем, воспринимая это как возможную победу своей идеи. Он не слышит Разумихина и последовательно, «тихо и скромно», излагает собственную концепцию: право «всё можно» он обосновывает то апелляцией к всеобщему благу, то пренебрежением к безликой массе. Таким образом, проявляется внутренний конфликт между античеловеческой природой доктрины и декларируемой ею целью — достижением всеобщего счастья. Никакие вопросы не сбивают Раскольникова, он готов ответить с удовольствием и пояснить, неуязвимость его теории безусловна, пока не сталкивается с реальностью.

Не случайно в романе появляется убийца и преступник Свидригайлов, и для Раскольникова привычная «арифметика» преобразуется в нечто пугающее его самого, он видит в Свидригайлове не только преступника, но и отражение своих собственных страхов и сомнений. Раскольников начинает осознавать, что после совершённого преступления оказался во власти некой мрачной и непостижимой силы, ставшей звеном, связывающим его со Свидригайловым. Эта невольная общность тягостна и губительна. Свидригайлов играет важную роль в развитии сюжета, раскрывает внутренний мир Раскольникова, становится неким зеркалом для главного героя, отражая его страхи, сомнения и моральные терзания.

Свидригайлов, как персонаж, олицетворяет ту тёмную пустую сторону человеческой природы, с которой Раскольников пытается справиться. Убийца и преступник, он демонстрирует последствия безнравственных поступков и отсутствие искупления. В то время как Раскольников пытается оправдать своё преступление "высшей целью", Свидригайлов показывает, что такая логика может привести к полному моральному разложению.

Свидригайлов, как и Раскольников, имеет свою теорию — теорию вседозволенности, фактически это теория Раскольникова, воплощенная в реальную жизнь. Свидригайлов считает себя «право имеющим» человеком, он совершает преступления и считает их совершения оправданными. Свидригайлов преступил мораль не мучаясь, в отличие от Раскольникова. Он одел свою душу в ту бронзу цинизма, в которую были одеты Солоны и Ликурги, а Раскольников оказался из плоти и крови. Свидригайлов, как один из двойников Раскольникова, своим характером и своей судьбой раскрывает образ главного героя наиболее полно. Так же, как и Раскольникову, ему необходима любовь, как шанс на спасение, очищение, воскрешение. Дуня, как олицетворение чистоты и нравственности, не может его полюбить, добродетель не сходится с пороком, это потрясает Свидригайлова. Сцена самоубийства Свидригайлова тесно связана с его теорией вседозволенности, и его смерть — это смерть теории главного героя.

С метафизической стороны Раскольников создал теорию о сильном человеке, который преодолевает все обычные моральные нормы своей необычайной смелостью и силой: «Автор взял нигилизм в самом крайнем его развитии, в той точке, дальше которой уже почти некуда идти... Показать, как в душе человека борется жизнь и теория, показать эту схватку на том случае, где она доходит до высшей степени силы, и показать, что победа осталась за жизнью, — такова была задача романа...» [5, С. 102]. Это полное отрицание теории по отношению к жизни, которое в сущности «не превращает что-нибудь в ничего, а раскрывает, что ничего, принимаемое за что-нибудь, — оптический обман и что всякая истина, как бы она ни перечила фантастическим представлениям, — здоровее их и во всяком случае обязательна» [15, С. 349].

После совершенного убийства пустота Раскольникова наконец-то полностью вырвалась наружу через реализацию его теории, и в бесконечной пустоте своего измученного духа он пройдет через темную ночь своей души и найдет свое окончательное спасение.

4. Избавление сердца — Темная ночь пустоты. Борьба между теорией и жизнью в конце концов истощила душевный мир Раскольникова. Сталкиваясь с такой борьбой, Достоевский передал противоядие Соне — набожной последовательнице Христа. Соня тоже преступила нравственный закон, как и Раскольников, но из гуманности, а не из высокомерия, она спасала свою семью, принеся себя в жертву. Раскольников убивает старуху и невинную Лизавету лишь для того, чтобы проверить, кто он — Наполеон или «вошь», то есть из гордого самолюбия, а не из сострадания. Раскольников, хотя и признает эгоистичность своих поступков, не осуждает их и постоянно ищет самооправдания.

Вот что Достоевский писал в сентябре 1865 года Каткову: «Неразрешимые вопросы восстают перед убийцею, неподозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце ... Закон правды и человеческая природа взяли свое. Преступник сам решает принять муки, чтоб искупить свое дело...» [10, С. 274].

Страхов объясняет это религиозным характером русских: «Раскольников есть истинно русский человек именно в том, что дошел до конца, до края той дороги, на которую его завел заблудший ум. Эта черта русских людей, черта чрезвычайной серьезности, как бы религиозности, с которою они предаются своим идеям, есть причина многих наших бед» [5, С. 122].

Испанский мистик Хуан де ла Крус считал, что в процессе очищения душа должна пройти через тьму: «И таким образом Он оставляет их в таком полном неведении, что они не знают, куда идти своим разумным воображением и размышлением; поскольку они не могут продвинуться ни на шаг в размышлениях, как это было принято раньше, их внутренние чувства погружаются в эту ночь и остаются настолько сухими, что не только они не испытывают ни удовольствия, ни утешения в духовных вещах и добрых упражнениях, в которых они обычно находили свои наслаждения и удовольствия, но вместо этого, они находят в этих вещах бесчувственность и горечь» [8, С. 30]. Во тьме ночи открывается глубокий грех, капризность в отношении любви Бога, душевные травмы, неудовлетворенные потребности и ложные системы убеждений, а «темная ночь души» — это пассивное очищение чувств и духа через переживание Бога. Именно в повторном самоистязании после совершения убийства Раскольников прошел через темную ночь души и приобрел «иллюзорно — высохший религиозный опыт, то есть душа должна пройти через тьму ночи в процессе очищения» [12, С. 110].

После совершения убийства Раскольников, доведенный совестью до тяжелой болезни, даже упал в обморок на месте в полицейском участке; призрачно вернулся на место преступления и дернул дверной звонок; проявил безумие перед Заметовым, прямо сказал, что он их убил; и рассказал, что добыча спрятана под камнем. Впервые встретив следователя Порфирия, он хохотал, чтобы замаскироваться, потом много раз ссорился с ним при встрече. Он терял контроль над своими эмоциями, отталкивал от себя всех окружающих, хотел убежать от всего и от всех, приходил в ярость. Конфликт внутри Раскольникова движется к примирению с появлением Сони, олицетворением милосердия, она отстаивает идеалы любви, веры и кротости, которым верна всю жизнь. Несмотря на то, что она не образована, не имеет ни гроша в кармане и получила желтый билет, она набожная христианка и верит, что Бог дал ей силу жить дальше. Она считает, что вера в Бога придает ее жизни ценность и смысл, и эта идея ведет ее к любви к другим людям без всяких условий, в том числе и к Раскольникову. Раскольников считает веру детством и юродством, он пришел к Соне не каяться, а искать сообщницу, преступившую нравственный закон. Признание в убийстве перед Соней дается ему нелегко, но он чувствует острую необходимость этого: «Надо ли сказывать, кто убил Лизавету?» Вопрос был странный, потому что он вдруг, в то же время, почувствовал, что не только нельзя не сказать, но даже и отдалить эту минуту, хотя на время, невозможно. Любовь побеждает ненависть в этой встрече Раскольникова и Сони, переживания воспоминаний об убийстве ведут не к смерти, а к воскрешению, Раскольникову возвращена человечность. Христианская кротость и совесть Сони оказывают на Раскольникова глубокое воздействие. Она безусловно принимает его крест, не требуя ни благодарности, ни восхищения. Её стремление разделить с ним страдания и лишения рождается из внутренней естественности и духовной силы, а не из экзальтированных порывов: «Вместе, вместе! — повторяла она как бы в забытии и вновь обнимала его, — в каторгу с тобой вместе пойду» [11, С. 316].

Раскольников делает явку с повинной, но он не раскаялся в преступлении, а разочаровался в себе, признал свое малодушие и наказал себя за высокомерие. Соня просит Раскольникова признать реальность, человечество за пределами себя, и эту новую веру, признавшись всем в своих преступлениях. Она также велела ему поклониться народу, поцеловать землю, которую он оскорбил, и воскликнуть: «Я убийца». Соня хотела бы, чтобы после исповеди Раскольникову пришлось столкнуться с последствиями своих преступлений, ведь только признав и приняв свои грехи, он может спастись. Раскольников ищет выход и спасение из своей безысходной тоски, он истощен муками совести, тревожными снами и вспоминает слова Сони о покаянии: «Всё разом в нем размягчилось, и хлынули слезы. Как стоял, так и упал он на землю...Он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю, с наслаждением и счастьем. Он встал и поклонился в другой раз» [11, С. 405]. Первый этап очищения убийцы Раскольникова был завершен.

Эпилог романа свидетельствует о том, что Раскольников не выразил раскаяния ни во время суда, ни в период каторги.. Корни несовершенства души остались, эгоцентризм его не развеян случившимся, и, находясь на каторге, Раскольников продолжает переживать темную ночь души через сны, постепенно завершая полную перестройку своего глубинного характера, радикально переосмысливая свои отношения с Богом и людьми. Все завершается болезнью и бредом, который воспринимается как апокалиптическое видение — мрачное пророчество самого Достоевского. В этом сне мир погружается в хаос и грех, люди теряют Бога и уничтожают друг друга во имя собственных интересов. Среди этого ужаса Раскольников видит и себя, заражённого всеобщей болезнью: «...будто весь мир осужден в жертву какой — то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, ... целые селения, целые города и народа заражались и сумасшествовали. » [11, С. 419-420].

Из абсурдного и страшного сна Раскольникова в эпилоге произведения вырисовывается картина смятения и пустоты, которая может существовать в психологическом сознании всего общества перед лицом религиозного разложения, и перед лицом этой пустоты писатель предлагает выход — найти спасение через страдание. И только

пройдя страдания возможно обрести очищение, перерождение и обрести любовь и веру: «Им оставалось еще семь лет; а до тех пор столько нестерпимой муки и столько бесконечного счастья!» [11, С. 421]. Как писал Достоевский в заметках о создании «Преступления и наказания»: «Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием» [10, С. 528]. В особых условиях отсутствия религии Достоевский подчеркнул важность возвращения к ней: она может принести человеку смелость, чтобы смотреть в лицо страданиям и преодолевать их, а также вернуть заблудшее человечество к пути возрождения.

Заключение

Герой Достоевского — Раскольников отразил смятение и тревогу в обществе Российской империи конца XIX века с разных точек зрения, раскрывая ужасные последствия нигилизма, доведенного до крайности. Достоевский устами Раскольникова доказал читателям: когда люди становятся на противоположную сторону добра и заменяют гуманизм утилитарным рационализмом, они предают “добро” и испытывают муки совести, вызванные долгой темной ночью души. Нигилизм — это не только ментальная тюрьма для интеллектуалов, ведь как только «пустота» распространится в обществе, она неизбежно приведет к социальному хаосу и декадансу.

«Пустота» не покидает и современное общество. В эпоху, когда технологическому прогрессу уделяется столь высокое внимание, может ли материальное благополучие заполнить духовную «пустоту» человека? Способно ли человечество, стоя перед выбором между добром и рациональностью, избавиться от «пустоты»? Повторится ли трагедия душевной опустошенности в будущем высокотехнологичном обществе? И будут ли заслуживать гуманитарные науки такого же внимания, как и естественные?

«Пустота» Раскольникова служит не только предупреждением о последствиях отказа от «добра», но и открывает русскому обществу, даже всему современному миру духовный выход и просветление через поиск спасения страданием.

Благодарности

Выражаю благодарность Александру Геннадьевичу Нестерову за помощь в процессе написания и подачи работы, а также Уральскому гуманитарному институту Уральского федерального университета за предоставление ценных курсов и ресурсов на протяжении всего периода написания работы.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Волосков И.В., Национальный гуманитарный институт социального управления, Москва Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.163.22.1>

Acknowledgement

I express my gratitude to Alexander Gennadievich Nesterov for his assistance in the process of writing and submitting this work, as well as to the Ural Humanitarian Institute of the Ural Federal University for providing valuable courses and resources throughout the entire period of writing this paper.

Conflict of Interest

None declared.

Review

Voloskov I.V., National Humanitarian Institute of Social Management, Moscow Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.163.22.1>

Список литературы / References

1. 郑永旺. 从“美拯救世界”看陀思妥耶夫斯基的苦难叙事 / 郑永旺 // 哲学动态. — 2013. — 9号. — 页 77–82.
2. 王逸群 拉斯柯尔尼科夫的杀人动因——基于舍勒“怨恨”说的考察 / 王逸群 // 俄罗斯文艺. — 2019. — 4号. — 第 90–98 页.
3. 陶莹. 虚无主义者的罪与罚——《罪与罚》与 1860S 俄罗斯的“新人”之争 / 陶莹, 王芳 // 名作欣赏. — 2023. — 17号. — 页 72–77.
4. Писарев Д.И. Сочинения Д.И. Писарева / Д.И. Писарев // Полное собрание сочинений : в 6 т. — Санкт-Петербург : Ф.Ф. Павленков, 1894. — Т. 6. — 549 с.
5. Страхов Н.Н. Литературная критика / Н.Н. Страхов. — Москва : Современник, 1984. — 413 с.
6. Вольф М.Н. Трактат «О не-сущем, или о природе» Горгия в DE MELISSO XENOPHANE GORGIA, V—VI: условно-формальная структура и перевод / М.Н. Вольф // ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция. — 2014. — Т. 8. — № 2. — С. 198–216.
7. Saint Augustine. On Free Choice of the Will / Saint Augustine; translated by Thomas Williams. — Indianapolis : Hackett Publishing Company, 1993. — 97 p.
8. San Juan de la Cruz. Noche oscura del alma / San Juan de la Cruz. — Madrid : Elejandria, 2018. — 120 p.
9. 赵林. 罪恶与自由意志——奥古斯丁“原罪”理论辨析 / 赵林 // 世界哲学. — 2006 — 3号. — 页 77–85.
10. Достоевский Ф.М. Письма 1834—1881 / Ф.М. Достоевский // Собрание сочинений : в 15 т. — Санкт-Петербург : Наука, Ленинградское отделение, 1988. — Т. 15. — 6026 с.
11. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский // Полное собрание сочинений : в 30 т. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1973. — Т. 6. — 422 с.
12. 岳剑锋. 西方文论关键词: 空虚 / 岳剑锋 // 外国文学 — 2022 — 2号. — 页 107–119.
13. Гроссман Л.П. Достоевский / Л.П. Гроссман. — Москва : Молодая гвардия, 1965. — 605 с.
14. Фридлендер Г.М. Реализм Достоевского / Г.М. Фридлендер. — Москва : Наука, 1964. — 404 с.
15. Герцен А.И. Произведения 1867–1869 годов. Дневниковые записи / А.И. Герцен // Собрание сочинений : в 30 т. — Москва : Издательство АН СССР, 1960. — Т. 20. — Книга 1. — 505 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Zheng Yongwang. Cong "mei zhengjiu shijie" kan Tuosituoyefusiji de kunan xushi [The Aesthetics of Suffering in Dostoevsky through the Idea that Beauty Will Save the World] / Zheng Yongwang // Zhexue Dongtai [Dynamics of Philosophy]. — 2013. — № 9. — P. 77—82. [in Chinese]
2. Wang Yicun. Lasike'ernikofu de sharen dongyin—jiyu Shele "yuanhen" shuo de kaocha [The motivation behind Raskolnikov's murder: an analysis based on Scherer's theory of "hatred"] / Wang Yicun // Eluosi Wenyi [Russian Literature and Art]. — 2019. — № 4 — P. 90—98. [in Chinese]
3. Tao Ying. Xuwuzhuyizhe de zui yu fa—《Zui yu fa》yu 1860S Eluosi de "xinren" zhi zheng [Crime and Punishment of Nihilists — Crime and Punishment and the Controversy Surrounding the "New Man" in Russia in the 1860s] / Tao Ying, Wang Fan // Mingzuo Xinshang [Review of Masterpieces]. — 2023. — № 17. — P. 72—77. [in Chinese]
4. Pisarev D.I. Sochineniya D.I. Pisareva [The works of D.I. Pisarev] / D.I. Pisarev // Polnoe sobranie sochineni [Complete works] : in 6 vol. — Saint Petersburg : F.F. Pavlenkov, 1894. — Vol. 6. — 549 p. [in Russian]
5. Strakhov N.N. Литературная критика [Literary criticism] / N.N. Strakhov. — Moscow : Sovremennik, 1984. — 413 p. [in Russian]
6. Wolf M.N. Traktat "O ne-sushchem, ili o prirode" Gorgiya v DE MELISSO XENOPHANE GORGIA, V—VI: uslovno-formal'naya struktura i perevod [Gorgias' Treatise "On the Non-Existent, or On Nature" in DE MELISSO XENOPHANE GORGIA, V—VI: Conditional Formal Structure and Translation] / M.N. Volf // ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya tradiciya [ΣΧΟΛΗ. Philosophical Antiquities and Classical Tradition]. — 2014. — Vol. 8. — № 2. — P. 198—216. [in Russian]
7. Saint Augustine. On Free Choice of the Will / Saint Augustine; translated by Thomas Williams. — Indianapolis : Hackett Publishing Company, 1993. — 97 p.
8. Saint John of the Cross. Noche oscura del alma [Dark Night of the Soul] / Saint John of the Cross. — Madrid : Elejandria, 2018. — 120 p. [in Spanish]
9. Zhao Lin. Zuie yu ziyou yizhi—Aogusiding "yuanzui" lilun bianxi [Sin and Free Will: An Analysis of Augustine's Theory of Original Sin] / Zhao Lin // Mirovaya filosofiya [World Philosophy]. — 2006 — № 3 — P. 77—85. [in Russian]
10. Dostoevsky F.M. Pis'ma 1834—1881 [Letters 1834—1881] / F.M. Dostoevsky // Sobranie sochinenij [Collected works] : in 15 vol. — Saint Petersburg : Nauka, Leningrad Branch, 1988. — Vol. 15. — 6026 p. [in Russian]
11. Dostoevsky F.M. Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment] / F.M. Dostoevsky // Polnoe sobranie sochineni [Complete works] : in 30 vol. — Leningrad : Nauka, Leningrad Branch, 1973. — Vol. 6. — 422 p. [in Russian]
12. Yue Jianfeng. Xifang wenlun guanjianci: kongxu [Keywords of Western Literature: Emptiness] / Yue Jianfeng // Waiguo Wenxue [Foreign Literature]. — 2022 — № 2 — P. 107—119. [in Chinese]
13. Grossman L.P. Dostoevskii [Dostoevsky] / L.P. Grossman. — Moscow : Molodaya gvardiya, 1965. — 605 p. [in Russian]
14. Fridlender G.M. Realizm Dostoevskogo [Dostoevsky's realism] / G.M. Fridlender. — Moscow : Nauka, 1964. — 404 p. [in Russian]
15. Gertsen A.I. Proizvedeniya 1867—1869 godov. Dnevnikovye zapisi [Works from 1867—1869. Diary entries] / A.I. Gertsen // Sobranie sochinenij [Collected Works] : in 30 vol. — Moscow : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. — Vol. 20. — Book 1. — 505 p. [in Russian]